

ИЗВЕСТНЫЙ ПОЭТ, КОМПОЗИТОР, АВТОР-ИСПОЛНИТЕЛЬ УВЕРЕНА, ЧТО РУССКИЙ ЯЗЫК СЕГОДНЯ НИКОМУ, КРОМЕ РУССКИХ, НЕ НУЖЕН

Поэтов среди бардов — единицы. Александр Галич, Булат Окуджава, Владимир Высоцкий, Александр Дольский, Александр Городницкий (еще примерно столько же имен можно назвать) и, конечно же, Вероника Долина. «Стихи со своей ощутимой внутренней музыкой — это то, чем я занимаюсь», — признает и сама Вероника Аркадьевна. У Долиной удивительная творческая судьба. Одним из первых ее дар признал Булат Окуджава, а вот первый поэтический сборник вышел в Париже — без ведома автора...

Вероника ДОЛИНА:

Очень даже видать, что мы в изоляции

ОБИТАТЕЛИ ОСОБЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ

— Вероника, в России есть два поэта, дни рождения и смерти которых стали в последние годы отмечаться чуть ли не как общегосударственные праздники, — это Александр Сергеевич Пушкин и Владимир Семенович Высоцкий. Всех остальных мы обычно всенародно вспоминаем в связи с круглыми датами. Высоцкий собирал стадионы, он стал неким символом явления, которое с его подачи называют авторской песней. (На мой взгляд, определение неверное, потому что любая песня — авторская, за исключением разве что «Эй, ухнем!».) Но вот ведь в чем парадокс. Высоцкий продолжает оставаться символом, а авторская песня спустилась с тех высот, которых достигла в 60-е — 70-е, даже в 80-е годы...

— Время чрезвычайно изменилось. Все связано — и история, и социология, и психология, и экономика. Неожиданно выяснилось и продолжает выясняться, что мы, граждане России, обитатели настолько особенной территории, что все у нас свое. В первую очередь язык, который не желает приспособливаться, адаптироваться даже минимально к времени, к языкам других территорий, хотя бы европейских. А европейскими людьми не осваивается вообще, никем и никогда. Возникает некий комплекс переживаний или размышлений на тему: отчего мы никому не нужны со своим великолепным русским языком? Полякам и чехам когда-то насильно втохивали, да и то плохо втохали. Поколение постарше, чем мы с вами, еще что-то усвоило, а более молодье... Настоящая же Западная Европа знает ничего не знает про русский язык, кроме причудливых славистов. Ни в Германии, ни во Франции, ни в Швеции, ни в Италии. Разве что чуть-чуть о русской литературе. Естественно, переводческим образом. Мы же осваиваем, как умеем, и итальянскую, и французскую, и немецкую, и прочую литературу, а они нашу — нисколько. Видать, очень даже видать, что мы все-таки в изоляции.

— Два открытия я себе тут же поместила в мозг: язык и деньги. Вот два ключа к свободному миру. Без этого жить, конечно, можно. Но можно и в избе при свече сидеть. Естественно, без компьютера, без доступа к Интернету. А если приобрести курицу и корову и таким образом обеспечить себе кое-какой достаток, то можно и потомство завести...

От этой изоляции — и особенности развития, и особенности психологии. Одним из пиковых выразителей этой особенности и оказался Высоцкий. Человек с острейшим слухом, с невероятно обостренным языком, он выдал фонтан способностей — и артистических, и поэтических. Он мог собирать стадионы. И за Евтушенко такое числится. И Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава могли стадионами мерить свою публику во всех больших городах страны, а их было много, этих городов. Поэты потише — Самойлов, Левитанский, Кушнер, ну кто хотите, имен много — не занимались стадионной жизнью. А в общем, будь у человека желание, чуть выше артистическая составляющая, пожалуйста — на стадион!

— Но не сейчас.

— Все теперь другое, все эти акции потеряны, и попросту интеллигентное происхождение в сущности исчезло с карты времени. Это люди уже совершенно другого образования, происхождения. Это не филологи и не люди уникальной чуткости к языку. Им хотелось проникать в другие сословия и вести артистическую жизнь. Они этого достигли, все — заслуженные и народные артисты, собиратели залов вплоть до Кремлевского дворца. А некоторые, возможно, приняты на каких-то верховных вечеринках. Я совершенно не в курсе. И за всем этим — острейшая фаза самодовольства. Язык стихотворный и проблемы поэтических песен — совершенно не участники этих игр.

Я — ДИТЯ ПУБЛИКИ

— Меня радует, что те, кто с гитарой выходит на сцену, устаиваются званием народного артиста, а не поэта, потому что поэты-то они, собственно, никакие...

— Понимаете, я могла бы отбиться какой-нибудь извращенной присказкой, ну там: какой народ, такие и артисты. Но народа я очень большой любитель. И огромный любитель, почитатель нашей публики в ее расширенном смысле. Впервые, я ее дитя. Я от нее производное. И мой язык — производное от ее языка. И мое мышление, и мой образ жизни, и моя, если она сколько-то есть, независимость. Что касается тех, о ком вы говорите... То, что они делают, к литературе не имеет и никогда не имело никакого отношения. К поэзии тем более. К нашей культуре — такой народно-простонародной, площадной, я бы даже сказала подворотенной — видимо, отношение имеет, но я тут совершенно не специалист.

У поэзии свое очень маленькое место. Вот если бы были пообразованнее, попросвещеннее наши монархи, политика в культуре могла быть понежнее. И в поэзии могло быть все получше, и поэты выживали бы чуть веселее. Могли быть заказаны какие-то тиражи, образовательные программы. Раз — и выпустил человек двухтомник, ну хотя бы один в десять лет, и за этот двухтомник получил бы каким-то чудом, грантом деньги, на которые два года мог бы жить. Пусть это будет несколько десятков тысяч долларов — я не скажу сотен, мы не в Голливуде. Это утопия, да?

— А восемь лет из десяти на что ему жить?

— А восемь лет он в школе преподает, в университете у него кафедра. А университетов-то много-премного! В Москве, в Петербурге, в Екатеринбурге... И поэты нарахват! И все возглавляют кафедры, и около них каждые два-три года подрастают поэты и поэтессы, и поэтическое слово престижно, симпатично — как, между прочим, везде: в Польше, Чехии, Германии и, конечно, в Соединенных Штатах.

Поэт может прозябать, может быть выпивхой, но вообще-то поэт на Западе уважаемый человек. В Финляндии, Швеции, Франции вообще поэт профессиональный (это неприличное слово, но оно существует) имеет право на то, чтобы претендовать на хорошее служебное место, и в общем-то он его получит.

ЯЗЫКОВУЮ ПРОГРАММУ В ШКОЛЕ И ВУЗЕ НАДО УСИЛИТЬ

— Вернемся к тому, о чем говорили вначале. К великому и могучему русскому языку...

— ...который никому не надобится, кроме нас самих.

— Но он же великолепен!

— Да! Но только для русских! Кстати, в мои-то годы, конечно, еще прилично обучали английскому, французскому, а немецкому уже похуже. А потом плохи стали дела с преподаванием и английского, и французского. Так вот, я за то, чтобы языковая программа и в школе, и в вузе была серьезно усилена.

Первая моя поездка за рубеж — 1987 год, Прага. Очень много наших несовершенств сразу открылось: не так одеты, не так себя ведем. Чехия, простенькая, крестьянская Чехия, встретила нас изобилием вилок и ножей на столе. А мы, советские люди, мало того что не так одеты, так еще и не знаем, что с вилами и ножами делать. Два открытия я себе тут же поместила в мозг: язык и деньги. Вот два ключа к свободному миру. Без этого жить, конечно, можно. Но можно и в избе при свече сидеть. Естественно, без компьютера, без доступа к Интернету. А если приобрести курицу и корову и таким образом обеспечить себе кое-какой достаток, то можно и потомство заводит...

Беседовал Владимир ЖЕЛТОВ
Автор выражает признательность
Алле Левитан — за содействие
во встрече с Вероникой Долиной.

Фото ИТАР-ТАСС